

M.V. Usova
Network as a Marker
of Modern Society:
Socio-Philosophical Aspect

The polyphony of markers of modern society as a manifestation of its complexity and diversity of methodological approaches is considered. The author identifies major markers used in modern social and philosophical research practices. Particular attention is paid to the "network society" as a configuration of markers.

Key words and word-combinations: openness, marker, network society, networking crowd.

Рассматривается множественность маркеров современного общества как выражение его сложности и плюрализма методологических подходов. Выделены основные маркеры, используемые в социально-философских исследовательских практиках. Особое внимание уделено «сетевому обществу» как специфической конфигурации маркеров

Ключевые слова и словосочетания: открытость, маркер, сетевое общество, сетевая толпа.

УДК 1:316
ББК 60.02

М.В. Усова

СЕТЬ КАК МАРКЕР СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНО- ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Термин «маркировка» имеет многообразные интерпретации и применения в современных социокультурных и исследовательских практиках. Маркировка (от нем. *markiere*, фр. *marquer*, англ. *marking* – отмечать, ставить знак) – нанесение условных знаков, букв, цифр, графических знаков или надписей на объект с целью его дальнейшей идентификации (узнавания), указания его свойств и характеристик. В нашем случае таким маркированным объектом выступает **современное общество**. Некоторое узнавание того, что имеется в виду, когда говорят «современное (нам) общество», действительно происходит, но оно сразу проблематизируется, поскольку не всякое существующее общество удостоивается этого знака, да к тому же на всяком ныне существующем обществе «стоит» несколько маркеров.

«Двусоставный» кластер понятия «современное общество» обязательно требует конкретизации, указания свойств и характеристик этого общества, дальнейшей маркировки, чтобы мы его «узнали» и поняли, о чем идет речь (а иногда и где мы живем). Эти маркеры общества представляют собой не только углубление исследования того, что «есть», но и фиксация многообразия, изменчивости, принципиальной открытости и незавершенности мира. «...Ничего окончательного в мире еще не произошло, последнее слово мира и о мире еще не сказано, мир открыт и свободен, еще все впереди и всегда будет впереди» [1, с. 223].

Ничего окончательного по законам рекурсивности систем не сказано и об обществе. Разговор продолжается. «Многоголосие» маркировки общества становится все более оживленным. Цель статьи: проанализировать это многоголосие, высказать обоснованные предположения о его составе, сущности и месте в нем такого маркера современного общества, как «сеть».

На наш взгляд, это связано с изменениями в области методологии анализа общества в гуманитарном и социально-философском знании, в частности с возникновением принципов полифонии и полиморфизма в понимании общества. Эти принципы имеют самое разнообразное воплощение в целом ряде доктрин и теорий, важнейшие из которых рассмотрим далее.

В 1930 г. вышла в свет знаменитая работа испанского философа Хосе Ортеги-и-Гассета «Восстание масс» [2]. По сути дела, именно с нее начинается маркировка современного общества как **массового общества**. В противовес формуле Р. Декарта «Я мыслю...» Ортега выдвинул формулу «Я есть Я и мои обстоятельства». Идея «жизненного проекта» привела его к необходимости понять «свои обстоятельства» именно как **массовое общество**, характеристику которого, не утратившую своего значения до настоящего времени, он дал.

Годом позже появилась еще одна важная для нас работа О. Хюсси-Розенштока «Прощание с Декартом». В ней он писал: «Мы, мыслители, существующие в ситуации после Великой войны (post-Wai thinkers), озабочены не столько вопросом о теоретически мыслимой сущности Бога или столь же отвлеченно понятыми законами природы, сколько вопросами сохранения и обновления **подлинно человеческого общества**, способного обеспечить выживание человека и человечности в будущем».

В отличие от маркера «**массовое общество**» Х. Ортеги-и-Гассета «**подлинно человеческое общество**» у О. Хюсси-Розенштока – желаемое, чаемое. Новый метод понимания и устройства общества он связывал с феноменом речи. «Общество живет речью, умирает в отсутствии речи» – такова формула этого мыслителя. «Сейчас и здесь мы живем в двойственном времени и двойственном пространстве. Мы говорим, чтобы не растерять себя в напряжении этого четырехугольника... Говорить – значит соединять жизнь в членораздельное единство, интегрировать ее и делать проще» [4, с. 72]. Эту интеграцию О. Хюсси-Розеншток выразил в метафоре «Крест реальности». Это позволило К. Гарднеру в предисловии к книге «Речь и действительность» назвать метод своего учителя «крестообразно-фундаментальным». Сам мыслитель называл свой метод «грамматическим», полагая, что современное общество держится на речевой **коммуникации**.

Еще в 1993 г. в журнале «Вопросы философии» вышла, а затем повторена в 1998 г. в книге, изданной под редакцией В.Л. Лекторского, статья В.Н. Махлина «Прощание с Декартом, или Крест реальности». В ней автор пишет, что О. Розенштоком-Хюсси предложена «радикальная перспектива преодоления – и вместе с тем обновления – картезианской “когитальной” самодетерминации, “аутизма” (А.А. Ухтомский), “за-смысленности” (М.М. Пришвин), самоотчуждения современного и постсовременного “Я” с его культом безличной и бесчеловечной истины, “подкупленной бытием” (Бахтин)» [5, с. 597].

Это преодоление предполагает переименование индивидуально-личной и социокультурно-исторической линий, что и образует «Крест реальности». Метафора «Креста реальности» важна для нового диалога в перспективе третьего тысячелетия в широких границах: «мир – система», «пост-книжный мир», «пост-экономическое общество», «пост-метафизическое общество» и многих других «пост-», а также «прото-» [6].

Мы остановились на этих двух заявленных еще в 1930-е годы социально-философских доктринах (Хосе Ортеги-и-Гассета и Ойгена Розенштока-Хюсси) потому, что в них ясно выражена общая для этого времени интенция – «прощание» с Р. Декартом и с проектом **модерна**. Это – указание (хотя и предварительное) на становление нового общества **постмодерна**, таких его маркеров, как **«коммуникация и массовость»**, слившихся позже в понятие **«средства массовой коммуникации»**.

Маркер **«общество коммуникации»** получил далее основательную разработку в трудах М. Маклюэна и Н. Лумана. Формула М. Маклюэна такова: «The medium is the message» (1964). Формула Н. Лумана звучит еще более радикально: «То, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, мы знаем благодаря массмедиа» (1994) [7, 8].

Исследователи отмечают: когда вышедшая в 1967 г. книга М. Маклюэна «The Medium is the Message: An Inventory of Effects» появилась в продаже, многим показалось, что в последнем слове названия сделана ошибка. Однако, за счет смены одной буквы в слове «massage» появилось, как минимум, два новых смысла: «средство коммуникации как массаж» и «средство коммуникации **как век масс**» (mass age). Это важное наблюдение отсылает нас к анализу работы Ортеги-и-Гассета и позволяет высказать мысль о том, что маркер **«массовое общество»** достаточно фундаментален по своим последствиям.

Что касается **постмодерна**, то это весьма заметный маркер современного общества, споры вокруг которого не утихают, переходя в область культуры, журналистики, политики. Даже говорят об эпохе постмодерна, которая, начавшись, никак не завершается. Кроме того, «постмодерн» употребляется в самых разных контекстах, подходах, методологиях и модальностях.

Один из важных контекстов связан с различием и противопоставлением классической и неклассической рациональности, современной и постсовременной, критической и коммуникативной рациональности [9]. В рамках критической рациональности Карл Поппер написал труд (1945), посвященный маркеру **«открытое общество»**. Его основная формула: открытыми являются общества, делающие «пробы» в форме различных проектов, где есть риск ошибки. Невозможно заранее знать, что такое **хорошее общество**, поэтому необходимо выдвигать проекты его усовершенствования. Проекты могут оказаться неприемлемыми, но главное состоит в том, чтобы сохранялась сама возможность их пересмотра [10].

Еще один фундаментальный контекст маркера **«постмодерн»** связан с пониманием современного общества как **«модернизирующегося»**, **«транзитивного»** и, наконец, **глобального** общества [11, 12].

В нашей стране постмодерн имеет «негативную» репутацию, однако в роли маркера (или даже диагноза) используется широко, поскольку сейчас все более заметны тенденции к разрушению и деструктуризации коммуникативных связей, которые основаны на культурной идентичности [13]. Левая критика постмодерна, представленная, в частности, Ги-Эрнестом Дебором, добавила в социально-философское знание такой маркер, как **«общество спектакля»**. В 1967 г. Ги-Эрнест Дебор издал свой фундаментальный труд «Общество спектакля», в котором подверг критике современный капитализм, усиление роли СМИ и индустрии развлечений в современном обществе. Первый тезис его книги гласил: «Вся жизнь обществ, в которых господствуют современные условия производства, проявляется как необъятное нагромождение **спектаклей**. Все, что раньше переживалось непосредственно, теперь отстраняется в представлении» [14, с. 13].

Социально-философский труд Жана Бодрийяра «Общество потребления» (1970) вводит в число маркеров свой диагноз: современное общество – это **общество потребления**. Бодрийяр рассматривает потребление как цепную психологическую реакцию, направляемую современной магией, природа которой бессознательна. Потребление больше не связано с сущностью предметов, речь идет скорее об их отчужденных знаках, которые существуют лишь в связи друг с другом [15].

В кластер понятий маркера **«постмодернизм»** входит и понятие **постиндустриального общества**. Исследования в этом направлении неисчислимы и в известной мере результативны: в историческом, типологическом и социально-философском модусе. Одна из формул этого общества: «Кто владеет информацией, тот владеет миром». Поэтому такое общество маркируют и как **информационное общество** [16].

«Постиндустриальное общество – это поточное производство информации и услуг. Это общество, в экономике которого приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг, проведению исследований, организации системы образования и повышению качества жизни. В нем класс технических специалистов стал основной профессиональной группой, и внедрение нововведений во все большей степени стало зависеть от достижений теоретического знания» [17, с. 102].

Сравнивая доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное состояния как преимущественно естественную, технологическую и социальную формы человеческих сообществ, сторонники теории постиндустриального общества выделяют как ведущий фактор систему межличностных взаимоотношений, комплексные интерперсональные взаимодействия. Иначе говоря, это социальные **коммуникации**, как маркер, о котором речь шла ранее.

Следующий шаг в маркировке современного общества таков: это есть **«общество знания»**. Теории постиндустриального общества, информационного общества и общества знания представляют собой «родственные», в значительной мере междисциплинарные построения, основанные на уверенности в том, что качественные социальные трансформации в современ-

ном мире неразрывно связаны с новой ролью **информации, коммуникации и знания** [18].

Своеобразным маркером современного общества в рамках этой новой роли становится **«smart-общество»**, то есть общество умное и технологичное. Концепция этого общества в трудах его основателей (Ф. Махлуп, Т. Умесаро, М. Кастельс) весьма привлекательна, так что иногда используют парафраз: скромное обаяние «smart-общества» [19].

В ряде публикаций показано, что общество знания трансформируется в **общество риска**. Они даже противопоставляются: **общество знания vs общество риска**. Эти маркеры современного общества сейчас на пике тренда и основательно исследуются социально-философской теорией. Отметим, к примеру, что основной научной темой кафедры теоретической и социальной философии СГУ в рамках научной школы «Концепция и парадигмы социума в XXI веке» является «Методология рисковенных систем» [20].

В литературе и реальной социальной жизни фиксируется появление еще одного маркера информационного общества – **«виртуальное общество»**. В его структуру вплетены новейшие технологии, которые сегодня изменяют способы осуществления привычных социальных практик. «Эти компьютерно опосредованные способы не переносят общество и социальность в виртуальное (в смысле параллельного «реальному») пространство не-сущего, а инкорпорируются в систему общества, становясь в один ряд с привычными способами осуществления практик» [21, с. 50].

Однако это инкорпорирование учитывает, что виртуальная реальность является «порожденной» (продуцируется внешней активностью); «актуальной» (существующей здесь и сейчас); «автономной» (имеет свое пространство, время, законы) и «интерактивной» (взаимодействует с другими реальностями) [22].

Остановимся, наконец, на маркере **«сетевое общество»**. Сети являются очень старой формой социальной организации, переживающей свое второе рождение, поскольку они, по нашему мнению, претендуют на возможность объединения в связанное целое маркеров современного общества. Вместе с тем, сетевое общество – это «не модель успеха современности, скорее это *крайне общая характеристика* возникающей социальной структуры» [23, с. 558]. Поэтому вопрос о характере этого целого и природе его связности остается открытым для социально-философской рефлексии. «Исследование социального объекта дополняется изучением его сетевых эффектов. В то же время изучение сетевого общества оказывается привязанным к широкоформатному комплексному социальному исследованию, затрагивающему все значимые сферы и регионы социального бытия» [24, с. 70].

Сетевое общество создается сетями *производства, власти, опыта и коммуникации*. Они формируют новую *культуру виртуальности* в глобальных потоках современности. Особенно важно, с нашей точки зрения, указать на то, что сетевое общество имеет социомедийную конфигурацию, в которую вовлечены не только «господствующие» группы, но и массы.

Следовательно, можно говорить о маркере «**социо-медийное массовое общество**». Работа Х. Ортеги-и-Гассета, о которой уже упоминалось, должна быть снова оценена как весьма актуальная. Общество не перестало быть массовым, напротив, его «массовость» возросла [25]. Обычная толпа стала «сетевой толпой». Наступила новая фаза «восстания» масс, которая требует изучения, поскольку массы иначе, чем во времена Ортеги, структурированы, что несет с собой новые конфигурации рисков. На некоторые из них обратили внимание Ю. Хабермас в концепции новой информационной стратификации [26] и А. Шюц, который сконструировал в своем исследовании повседневности три идеальных типа: «эксперт», «человек с улицы» и «хорошо информированный гражданин» [27].

Подытоживая наши размышления, отметим, во-первых, что в области социально-философского знания об обществе и статусе тех или иных его «маркеров» нет позиции, из которой их можно было бы описать *обязательным для других* образом.

Во-вторых, эти маркеры-описания сосуществуют, причем в одном когнитивном пространстве социально-философского и социологического знания, но в разном когнитивном статусе: теория, концепция, подход, модель, идеально-типический конструкт, конфигурация. Каждое описание имеет свою историю, объяснительную силу, основателей, сторонников, научный и репутационный ресурс, риски абсолютизации или недооценки, представленность в научной сети и т.д.

В-третьих, различные описания современного общества в известном смысле конкурируют между собой. Однако конкуренция (и ее знак VS) все чаще сменяется кооперацией (и ее знаком & – амперсанд). Еще Р. Арон отмечал, что «легко дать абстрактное определение каждой формы социума, но трудно обнаружить его конкретные пределы и выяснить, является ли то или иное общество, например, архаическим или индустриальным» [28, с. 97]. Они часто сосуществуют и пересекаются, углубляя если не системность, то комплексность понимания общества. Такое комплексное описание само приобретает маркер «сетевое», «конфигуративное», а знание об обществе – статус сетевого знания.

В-четвертых, потеряв в «прощании с Декартом» своего традиционного и суверенного Субъекта, социальная философия имеет теперь дело с *координацией* различных методов и аналитических результатов (маркеров), которые обретают смысл благодаря нашему усилию понимания. Однако теория «сетевого общества» не получила пока особого статуса как системообразующая и существует наряду с другими теориями и во взаимодействии с ними.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
2. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды / сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевич. М., 2000.
3. Розениток-Хюсси О. Прощание с Декартом / вступит. ст. и пер. А.И. Пигалева // Вопросы философии. 1997. № 8. С. 139–146.

4. *Розениток-Хюсси О.* Речь и действительность. М., 2008.
5. *Махлин В.Н.* Прощание с Декартом, или Крест реальности // *Философия не кончается...* Из истории отечественной философии, XX век: в 2 кн. кн. I: 20–50-е годы. М., 1998.
6. *Эйтиейн М.Н.* От пост – к прото – Манифест протезизма. URL: <http://www.intelros.ru/subject/figures/mixail-yepshtejn/11285-ot-post-k-pto-manifest-proteizma.html>
7. *Маклюэн М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. М., 2003.
8. *Луман Н.* Реальность массмедиа / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М., 2005.
9. *Фокина Т.П.* Размышления о современной методологии (три столба и два промежутка) // *Ученые записки: Профессорский выпуск: сб. науч. тр. Саратов, 2008. С. 95–117.*
10. *Поппер К.* Открытое общество и его враги: в 2 т. / пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. М., 1992.
11. *Гидденс Э.* «Ускользающий мир»: как глобализация меняет всю нашу жизнь М., 2004.
12. *Орлов М.О., Данилов С.А., Иванов А.В., Аникин Д.А.* Модернизация в глобальном мире: ценности и институты. Саратов, 2011.
13. *Орлов М.О.* Социально-политические факторы динамики глобальных процессов // *Власть. 2008. № 8. С. 84–88.*
14. *Дебор Г.* Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. М., 1999.
15. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления / пер. А. Самарской. М., 2006.
16. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М., 2000.
17. *Bell D.* Notes on the Post-Industrial Society // *The Public Interest. 1967. № 7.*
18. *Ефременко Д.В.* Концепция общества знания как теория социальных трансформаций: достижения и проблемы // *Вопросы философии. 2010. № 1. С. 49–61.*
19. *Меськов В.С., Мамченко А.А.* Цикл трансформации когнитивного субъекта: Субъект, среда, контент // *Вопросы философии. 2010. № 10. С. 67–80.*
20. *Устьянцев В.Б., Орлов М.О., Данилов С.А.* Очерки социальной философии: пространственные структуры, порядок общества, динамика глобальных систем / под ред. проф. В.Б. Устьянцева. Саратов, 2010.
21. *Грибов И.А.* Информационное общество: от виртуальной реальности к реальной виртуальности // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 9 (23): в 2 ч. Ч II. С. 47–51.*
22. *Афанасьева В.В.* Тотальность виртуального. Саратов, 2005.
23. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М., 2000.
24. *Назарчук А.В.* Сетевое общество и его философское осмысление // *Вопросы философии. 2008. № 7. С. 61–75.*
25. *Фридман Т.* Плоский мир: краткая история XXI века. М., 2007.
26. *Хабермас Ю.* Вовлечение другого: очерки политической теории / пер. с нем. Ю.С. Медведева под ред. Д.А. Складнева. М., 2001.
27. *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. М., 2004.
28. *Aron R.* The Industrial Society: Three Lectures on Ideology and Development. N.Y.; Wash., 1967.